

Kharakhorina A.A. Spatial Images of the Poetry of Ivan Zhdanov (Book of Poems "Place of the Earth")

This article considers the spatial images of book's poems "Place of the Earth" by I. Zhdanov for the purpose of identification of their specifics and patterns of construction laws of construction, also an attempt to describe the General structure of the space of the book of poems "Place of the Earth". The common structure of the space constructed on the example of concrete texts. Article reveals and distinguishes three variants of artistic space (space, nature, daily life). It also considers concrete spatial images which form keynotes and have certain and common meaning for the book. Moreover this article stresses on – at the first glance – not related on space images but they supplement the common system of world order of all the texts.

Keywords: Ivan Zhdanov, artictis space, landscape, keynote, spatial image, russian poetry.

Т.В. Черкес,

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь,
научный руководитель Т.Е. Автухович*

**Трансформации героя в современной балладе
(на материале произведений Ю. Кузнецова и М. Степановой)**

Аннотация: *В статье на материале мифических баллад Ю. Кузнецова («Баллада о старшем брате», «Атомная сказка», «Змеиные травы», «Ловля русалки», «Русалка») и баллад М. Степановой («Летчик», «Муж», «Сын», «Невеста», «Собака», «Гостья») рассматривается процесс трансформации жанра через дифференциацию типов современного балладного героя. Констатируется взаимосвязь между социальными, философскими и внутрилитературными изменениями и возникновением новых типов героев баллады конца XX – начала XXI вв. Подчеркивается, что аперсонализация героя как существенная характеристика баллады рубежа XX-XXI вв. сопровождается усложнением субъектной организации, что отражает раздвоенность сознания человека на сломе эпох.*

Ключевые слова: *баллада конца XX – начала XXI вв., тип героя, аперсонализация, Ю. Кузнецов, М. Степанова.*

Баллада является жанром, исследованным недостаточно: по мнению В.И. Тюпы, ее постромантическая эволюция практически не изучена [Тюпа 2013: 134]. На материале поэзии Ю. Кузнецова и М. Степановой рассмотрим трансформацию героев баллады Новейшего времени, поскольку эволюция героя связана с эволюцией жанра. Обратимся к определению понятия: «Герой – действующее и/или рефлектирующее лицо в произведении, влияющее на ход художественного действия и/или повествования» [Кораблев 2001: 117]. Отмечается, что «лирический герой – это и носитель сознания, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром» [Корман 1992: 179]. Очевидно, что при эволюции жанра тип героя претерпевает изменения, обусловленные общественными, философскими, литературными процессами. Преобразования – *от дистанцированного "Он"-героя к лирическому "Я" и возвращение на новом уровне к герою «лирического эпоса»* [Верина 2017: 13] – наблюдаются в балладах XIX – XXI вв. Обозначим этапы этого пути.

Известно, что «лирический герой в романтической системе был уникален: его можно было соотнести лишь с ним самим или с богом <...>» [Корман 1992: 193], что выражается в номинациях – имя часто становится заглавием: «Людмила», «Светлана» В. А. Жуковского и т.д. В рамках балладной традиции герой объективирован, им «всецело управляет ситуация <...>, герой пассивен <...>» [Зырянов 2003: 349]. При обращении к мифу расширяются онтологические возможности жанра: неоднозначность бытия отражается в судьбах героев баллад «Русалка», «Морская царевна» М.Ю. Лермонтова. В период Серебряного века наряду с мифическими именами рождается новый тип героя – это поэт-демиург, явленный миру для преобразования Вселенной (В. Хлебников «Бурлюк», И. Одоевцева «Баллада о Гумилеве» и

др.). В советской балладе попыткой обойти цензуру становится обращение к прецедентным именам – возникает плеяда героев «былых времен»: «Баллада о чудном мгновении» П. Антокольского, «Лобная баллада» А. Вознесенского и пр. Период Оттепели сменяется временем конформизма, когда «поэзия обретает себя в иных – антиличностных – формах» [Штраус 2005: URL]. В результате ментальных, геополитических преобразований проявляются фобии коллективного бессознательного, и к концу XX в. баллада становится «социальной поэзией» [Барковская 2011: 14]: в соответствии с потребностями эпохи появляется новый тип героя. В изменившемся мире «балладная поэзия <...> позволяет создать парадоксальную аперсональную лирику, которая не должна отсылать к определенной концепции субъекта» [Кукулин 2008: URL].

Обратимся к мифическим балладам Ю. Кузнецова – поэта, для которого «Добро и Зло <...> были почти материальными сущностями <...>» [Куняев 2014: URL], а поэзия являла «поле "вечного боя"» [Анкудинов, Бараков: 1996: URL] Света и Тьмы. Поскольку мифической балладе необходим Герой, «миф <...> часто <...> доращивает "обычного человека" до Героя и убивает его <...>» [Анкудинов 2005: URL]. Герой Ю. Кузнецова обычно безымянен и относится к архетипу «род человека» (*отец, мать, сын*) или к мифическим существам (*русалка, черт, змея*). Герой – трагическая фигура, он одинок, «свободен от бытовых рамок, и потому остро чувствует свою неприютность. Но преодолеть ее не может, так как она является его судьбой <...>» [Шевченко 2010: 4-5]. И. Кукулин считает, что в раннем творчестве поэт «действует в рамках советской эстетики, которая была основана на не-рефлексивности <...>» [Кукулин 2017: URL]. С другой стороны, нахождение героя на стороне Добра или Зла основано на безусловном *подчинении Мифу*, обусловлено *судьбоносной функцией* в двоимирии баллады.

Героев Ю. Кузнецова можно условно разделить на два типа. Первые «рождены» современной цивилизацией, и отношение к ним выражено в повествовании *от третьего лица* (принцип отстранения), в наказании (многих) гибелью при встрече с мифореальностью. В «Балладе о старшем брате» ради погони за *материальным* герой разрывает родовые связи (*с матерью, младшим братом, невестой*). За предательство миф лишает его возможности вернуться *в этот мир*. «Точкой невозврата» становится отказ от души: *Я взял бы тебя с собою, Но женщина – не верна* [Кузнецов 1989: 141]. Отныне герой принадлежит *тому свету*: поезд (проводник между мирами) с *дьявольским воем* уносит его в никуда. Реже гибнет представитель мифомира (как происходит в «Атомной сказке» с Царевной-лягушкой, принесенной Иванушкой в жертву *на правое дело* [Там же: 58]). Балладой *без героя / с обезличенным героем* являются «Змеиные травы». Поезд, символ прогресса, везет унифицированную серую массу, классифицированную по антропологическому и социальному признаку: *люди, пассажиры*. Обыденность – *мечты*, превратившиеся в *проклятья Земли*, – поглощается мифореальностью: *Незнакомая местность предстала, И змеиные травы пошли. Канул поезд в пустое пространство <...>* [Там же]. Змея в поэтической системе Кузнецова: 1) хтоническое существо, несущее угрозу гибели; 2) женское, искушающее начало; 3) исполнитель приговора нарушающим табу, проводник в «сакральные миры» [Анкудинов 2009: URL]. Мифомир являет силу и мощь, «совершая <...> "замыкание" между двумя мирами. При этом не-мифо-реальность <...> уничтожается. Так происходит "прорыв в неизвестное"» [Анкудинов, Бараков: 1996: URL]. Дематериализация Реальности (баллада написана в 1968 г.) предвосхищает эволюцию жанра постсоветского периода.

Второй тип героев принадлежит к миру мифа. «Сближение автора с героями <...>, иногда отождествление себя с ними» [Тавакалян 2011: 91] выражается в повествовании *от первого / второго лица*, в перипетиях сюжета. В «Ловле русалки» героиня символизирует Россию – сказочное царство *мира и света*. *Свет-русалка* гармонично обитает со стихиями *воды, земли и воздуха*; обладает несметным духовно-нравственным богатством, самобытной культурой. Обращением *на ты* подчеркивается генетическая связь *поэт / Отечество*. Угрозу разрушения *самости нации* несет появление *великого ловца*: *Он словечко*

”свобода” подкинул тебе [Кузнецов: URL]. Для поэта / героя *свобода* означает разрушение аксиологических основ – «трагедию <...> культуры, гибнущей в тисках ”железного” века» [Анкудинов, Бараков: 1996: URL]. Поэт предупреждает, что последствия такого «освобождения» непредсказуемы: *Острый воздух хватаешь разинутым ртом, Возмущая все царства могучим хвостом* [Кузнецов: URL]. В балладе «Русалка» героиня спасает Я-героя, находящегося в кризисной ситуации: *когда стоял я на краю* [Кузнецов 1989: 210] («на краю находящийся, <...> гранный, предельный» [Даль 2016: URL]). Но жертвенная гибель – превращение в *тень* – дарит русалке «второе рождение»: *С тех пор в тени моей невольню Она сияет, как звезда* [Кузнецов 1989: 210]. Парадоксом современности является то, что герой вступает на *верный путь* благодаря *ирреальному*: к Свету, Вере приводит Мифическое, само обретая Свет.

Итак, герой баллад Ю. Кузнецова неререфлексивен, эпичен и «служит» одной стороне – Добру (мифомиру) или Злу (не-мифореальности). Объективизация является как тенденцией эволюции жанра, так и аспектом «эпического» мировидения поэта: «Две реальности в космосе Ю. Кузнецова пребывают в состоянии непрерывной борьбы <...>» [Анкудинов 2009: URL]. И герои выполняют свою мифическую миссию: являются «воинами» армий Света / Тьмы.

Поиски путей познания иррационального продолжают в мистических балладах М. Степановой. Однако в результате трансформации коллективного сознания, мировоззренческих коллизий, сопровождающих конец XX – начало XXI вв., появляется новый тип «героя своего времени» – «маленький человек», беспомощный перед жестоким и враждебным миром. Анонимность, децентрированность, «принципиальная пограничность» [Кукулин 2002: URL] – особенности героев, оказавшихся в «страшной», лишенной рациональных и духовных связей действительности.

Как и у Ю. Кузнецова, большинство героев М. Степановой принадлежит к архетипу «род человека»: *муж-жена, мать-сын* и т.д. Известно, что герой баллад – собирательный образ (часто это *homo soveticus* – человек из толпы – один из нас). Героев также можно разделить на два типа. Первые – маленькие люди, «рамочное» сознание которых не выдерживает столкновения с неизведанным: *ирреальное губит их* (будь то измена, уход в иной мир / смерть близкого человека). ”Я”-героиня баллады «Летчик» в «перевернутости» мировосприятия мужа-«афганца», вернувшегося с войны *иньм (Таинственный как чемодан* [Степанова 2003: URL]), в его смерти «находит» виновницу – Небесную дочку: *Но эта астральная сучка его <...> Ответит, ответит за каждый вираж <...>* [Там же]. Чужое, враждебное должно быть уничтожено – и героиня убивает девочку-пионерку. Баллада «Муж» – травестия классического анекдота: вернувшийся домой супруг застаёт жену с любовником. Однако кровавая месть (сначала герой орудовал топором, потом *Он зубом грыз и бил в нее рукой* [Там же] и т.д.) свершается в *ином мире* – видение проносится в его предсмертном сознании: *<...> он был как воск Когда тогда приехал перевозк* [Там же]. В балладе «Сын», увидев мертвым своего ребенка: *В скорбях единственное утешенье. Точь-в-точь какой придумала, просила <...>* [Там же], – героиня теряет разум. Она столько раз говорила сыну, что он куплен в универсаме, что в «пограничном» состоянии требует «новую модель»: *Не помню, где – нашла его коробку, Квитанцию, техпаспорт, телефон, Не помню, как звонила в магазин* [Там же]. И слышит *оттуда* «ответ»: *Похоже, списанный достался образец!* [Там же]. Воспитанные в состоянии тотального безверия, герои не способны «вместить события собственной жизни» [Дашевский: 2004: URL], «преодолеть ”неготовность” к смерти» [Житенев: 2012: URL]. Семейная катастрофа для них тождественна гибели Вселенной: приводит к безумию или к смерти.

К другому типу относятся *иные* маленькие люди – способные видеть ирреальное, пересекать границы параллельных миров. Это невеста (или дочь?) Водяного из баллады «Невеста», которую обыватели считают «белой вороной»: *Посторонним казалась – дура <...>* [Степанова 2003: URL]. В отличие от других героев она обладает именем (обыватели зовут ее *Муськой*). Попытка стать *как все* «пресекается» голосом из мифореальности: *Но*

пугает хозяин суровый <...> Зыбко блещется: отомщу! [Там же]. И в день свадьбы героиня исчезает в ином мире (что сводит с ума чересчур любопытную соседку). В балладе «Собака» использован прием *ролевой маски* – повествование ведется от имени мужского «Я». Амбивалентность героя, фрагментарность его картины мира выражается в трансформациях субъектного плана: *я; аз и собака; мальчишка, потом оказавшийся мной; мы*; затем снова *я* (полифония субъектной организации). Исчезновение *собаки* знаменует не только ушедшее детство, но утрату *инаковости*, потерю собственного «Я»: тридцать лет он живет *сам с собою в разлуке* [Там же]. *Встреча* двух половинок души (как *двухглавый орел* [Там же]) происходит на поляне, ассоциирующейся у героя с детской травмой. Для прощения себя за давнее предательство, воссоединения *себя, меня и того мальчишки* необходимо обратиться к теням прошлого: *Между тенью палатки и тенью костра, <...> Над собою вдвоем зарыдали* [Там же].

Счастье и гармонию обретают герои, которые способны выйти за рамки своего мировосприятия для постижения трансцендентных форм бытия. «Буквально» это показано в балладе «Гостья»: покойная жена стучится в дверь, и муж, несмотря на страх, решается: <...> *шарахаюсь, как зверь, Но – что ж теперь? – нашариваю дверь, И открываю, и за дверью утро* [Там же]. В. Пустовая пишет: «Ночная гостья, совместимая с утром, – уже <...> реально воскресшая. Над-образ стихотворения – конец света как наступившее утро, как радость, <...> что <...> каждый встречен» [Пустовая 2004: URL]. Открытая *по-ту-стороннему* дверь знаменует воссоединение двух параллельных реальностей – чудо воскресения: *Весь двор в огнях, как будто все вернулись* [Степанова 2003: URL]. Нужно только «освободить» сознание для восприятия *иного* мира.

Итак, говоря о героях Ю. Кузнецова и М. Степановой, следует отметить, что аперсонализация становится особенностью баллады конца XX – начала XXI вв., так как обезличенность представляет тенденцию новой литературной эпохи. В субъектной организации помимо классического «Он»-героя, «Я»-«Ты»-героев (последствий деканонизации рубежа XIX-XX вв.) появляется тип героя с изменяемыми формами субъектного плана (отражение раздвоенности сознания). Нерелексивность героев Кузнецова обусловлена их особой ролью в художественном пространстве мифической баллады, отражением индивидуально-авторской феноменологии поэта. Появление нового типа героя Степановой – маленького человека *homo soveticus*, вследствие материалистического мировосприятия не готового к встрече с *по-ту-сторонним*, обусловлено мировоззренческими коллизиями современности: потерей нравственных, ценностных и идеологических ориентиров уходящего XX столетия. В деструктуризации «ячейки общества» – семьи, духовной и физической гибели ее безымянных членов видится трагедия общественная: «жертвенная безвестная смерть становится болезненным, но неустранимым элементом сознания человека, живущего в эпоху крушения утопий» [Кукулин 2008: URL]. Возможным путем к обретению гармонии является обновление сознания для принятия в *свой мир* таинственного многомерного бытия.

Литература

Анкудинов К.Н., Бараков В.Н. Юрий Кузнецов: Очерк творчества. М. : Вологда : Свеча, 1996. URL: <http://www.uglitskih.ru/critycs/ankudinov1.shtml> (дата обращения: 03.08.2018).

Анкудинов К.Н. Готика Юрия Кузнецова // Газета «День Литературы». 2009. № 2. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/denj-literaturi-gazeta/gazeta-denj-literaturi--150-2009-2/10> (дата обращения: 30.01.2019).

Анкудинов К.Н. Напролом. Размышления о поэзии Юрия Кузнецова // Новый мир. 2005. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2005/22/an10.html (дата обращения: 08.03.2019).

Барковская Н.В. Жанр баллады в современной русской поэзии // Scripta manent: Научный журнал Ассоциации открытой дипломатии, Тбилиси. 2011. № 3 (11). С. 13-21.

Верина У.Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX – XXI вв. Минск : БГУ, 2017.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Соч. В.И. Даля. Ч. 1-4. М. : РГБ, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://нэб.рф/collections/95_v-dal-and-his-dictionary (дата обращения: 14.03.2019).

Дашевский Г.М. Мария Степанова. Счастье // Критическая масса. 2004. № 1. URL: <http://www.zh-zal.ru/km/2004/1/dash42.html> (дата обращения: 04.03.2019).

Житенев А.А. «Что же делать с новоявленным знанием?» // Новое литературное обозрение. 2012. № 118. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2012/118/z30.html> (дата обращения: 25.01.2019).

Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург : изд-во Уральского университета, 2003.

Кораблев А.А. Поэтика словесного творчества: Системология целостности: Монография. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2001.

Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Предисл. и составл. В.И. Чулкова. Ижевск : изд-во Удм. ун-та, 1992.

Кузнецов Ю.П. Золотая гора: Стихотворения и поэмы разных лет. М. : Сов. Россия, 1989.

Кузнецов Ю.П. Ловля русалки // 45-я параллель [Электронный ресурс]. URL: https://45parallel.net/yuriy_kuznetsov/lovlya_rusalki.html (дата обращения: 12.03.2019).

Кукулин И.В. Актуальный русский поэт как воскресшие Алёнушка и Иванушка. О русской поэзии 90-х годов // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/kuklin-aktualnyi-russkiy-poet/> (дата обращения: 27.02.2019).

Кукулин И.В. История культуры начала и середины двух столетий: параллельное подключение // Воздух. 2017. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2017-1/kukulin/> (дата обращения: 07.03.2019).

Кукулин И.В. От Сваровского к Жуковскому и обратно: О том, как метод исследования конструирует литературный канон // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/ku16.html> / (дата обращения: 02.03.2019).

Куняев С.Ю. «Приснился родине герой...» / С.Ю. Куняев // «И бездны мрачной на краю...». Размышления о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова. М. : Голос-Пресс, 2014. URL: <http://kuniaev.ru/книги-онлайн/и-бездны-мрачной-на-краю/приснился-родине-герой/> (дата обращения: 11.03.2019).

Пустовая В.Е. Мария Степанова. Счастье // Знамя. 2004. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/5/pust16-pr.html> / (дата обращения: 12.12.2018).

Степанова М.М. Счастье. М.: Новое литературное обозрение. 2003. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/stepanova4.html> (дата обращения: 01.03.2019).

Тавакалян Д.С. Модернистская поэтика Юрия Кузнецова // Культурная жизнь юга России. 2011. № 1 (39). С. 90-92.

Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М. : Intrada, 2013.

Шевченко О.В. Творческий путь Юрия Кузнецова / О. В. Шевченко // Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2010.

Штраус А.В. Лирический герой (теоретический термин в современной поэтической практике) // Филолог. 2005. № 6. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_122 (дата обращения: 06.03.2019).

Cherkes T.V. Transformation of a main character in the modern ballade (based on the works by Y. Kuznetsov and M. Stepanova)

The article studies the process of genre transformation through differentiation of the types of the modern ballad characters, focusing on the mythical ballads of Y.Kuznetsov ("The Ballad of the Elder Brother", "The Atomic Tale", "Snake Grass", "Catching the Mermaid", "Mermaid") and M.Stepanova ("Pilot", "Husband", "Son", "Bride", "Dog", "Guest"). The article determines he

interrelation between social, philosophic and intra-literary changes and the emergence of new types of ballad heroes in the end of the 20th – beginning of the 21st century. It is emphasized, that a hero's apersonalization, as an essential characteristic of the ballad of the turn of the 20th and 21st centuries, is accompanied by the increasing complexity of the subjective structure, thus reflecting a duality of human consciousness at the break of epochs.

Keywords: ballad of the end of the 20th-early 21st centuries, type of the main character, apersonalization, Y.Kuznetsov, M. Stepanova.